

Надо все понять и решить, как жить дальше

22 сентября спектаклем "Три сестры" МХАТ имени Чехова начал новый сезон. Не хочется говорить "юбилейный", потому что Олег Ефремов художественный руководитель этого коллектива, по-прежнему убежден: юбилейная дата имеет отношение к прежнему, легендарному Московскому Художественному театру, открывшемуся в октябре 1898 года. Вопрос о том, чем же отметит стремительно приближающееся 100-летие МХТ ныне существующий театр, все так же остается открытым. По крайней мере, об этом Ефремов говорит с явной неохотой, игнорируя подчеркнутый интерес прессы и не желая посвящать ее во внутреннюю ситуацию руководимого им театра. И справедливо, в общем-то, полагает, что вместо пустых разговоров следует заняться делом. Другой вопрос, что в минувшем сезоне это самое "дело" имело подчеркнутый исторический аспект, безусловно, уместный в юбилейной перспективе. В области же дел текущих театр совсем по-старомхатовски "держал паузу", которая несколько затянулась. А тут еще разразился кризис. Когда состоялся этот разговор, Камергерский переулок был разрыт вдоль и поперек, внутри театра тоже полным ходом шел ремонт, а в своем кабинете Олег Ефремов с интересом смотрел по телевизору очередной информационный выпуск о думских страстях. Сразу же переключиться на МХАТ было и сложно, и неуместно, к тому же на предложение прокомментировать ситуацию в стране Олег Николаевич откликнулся с куда большим энтузиазмом.

— Мне всегда не нравилась наша Дума, потому что она все время так уверенно мешает реформам. И дело тут вовсе не в дискуссиях о социализме и капитализме. Дело в умении жить при свободной экономике, рынке. Как мне представляется, возможность введения рынка для нас была самой трудной проблемой, с чем мы не справились в полной мере. И едва лишь возникали более или менее радикальные подвиги в этом направлении, как тут же против этого, пугая социальной напряженностью, выступали наши прелестные депутаты. И главный тормоз, с моей точки зрения, был в непонимании очень важной вещи: рыночная экономика, как и всякая по-настоящему полнокровная деятельность, обязательно должна быть связана и с интеллектом, и с тем, что мы называем вдохновением, интуицией. То есть с теми категориями, которые, казалось бы, более применимы к искусству. А у нас был достаточно железобетонный директорский корпус, который привык гнать план. Из-за этого мы, в общем-то, во многом пострадали.

Надо было, по-моему, сразу снять эти иногда глупые дискуссии: социализм или капитализм? Ведь существование такого государства, как Советский Союз, поначалу оказало колоссальное влияние вообще на весь мир. Именно социальными реформами, которые были проведены потом во всех странах. И уже к каким-то годам, ей-Богу, социализма как такового в этих странах было больше, чем у нас. Ведь сейчас мы не понимаем многих вещей. Ну смотрите: недовольны оборонщики, выходят на демонстрации. Но никто не объясняет нашему народу ни по телевизору, ни в печати, что бюджет СССР примерно на 80 процентов был ориентирован именно на них. Потому что мы были милитаризованным государством, пугалом для всего мира, хотя и объясняли это защитой завоеваний. И потому так много людей находилось тогда в более привилегированном положении. Естественно, когда меняется политика, они недовольны. И как тут быть, если мы сегодня не такая воинственная страна? Правда, находятся люди, которые говорят: "За державу обидно!". Я ненавижу эту фразу, потому что мне за человека нашего обидно бывает, который не понимает, что хорошо, а что плохо. Сейчас, по-моему, удара нам ни от кого ждать не приходится. Только если от каких-нибудь думских горлопанов, которые вопяют: где же наша мощь? Не об этом, ей-Богу, думать надо. Да они и скисли уже: кофе у них в буфете кончился...

Или вот, почему ничего не объяснили этим здоровым ребятам, которые сегодня колотят своими касками об асфальт, обращаясь к правительству? Я имею в виду шахтеров. Они что, хотят, чтобы все опять национализировали? Снова желают оказаться на иждивении у государства? Но ведь они же сегодня сами владеют своим хозяйством, все акционеры. Я смотрю: такие здоровые ребята, дай Бог нам такими быть. И все равно ходят, просят, а их как-то оглаживают, помогают вроде. Но таков уж русский человек... А ведь надо разъяснять, каждый день, чтобы люди хоть понимали, что происходит.

Я не уверен, что этот кризис не организован какими-то силами. Точно так же, как, я убежден, была организована война в Чечне. Еще Черчилль, кажется, сказал о том, что политическая жизнь — это борьба под ковром, откуда другой выскакивает то один, то другой. Вот сейчас у нас это самое и происходит.

А честно говоря, мне было очень обидно, когда Президент снял молодое правительство. Мне эти ребята нравились какой-то своей честностью. Они впервые стали говорить народу правду о том, как обстоят дела: и что живем в долг, и сколько у нас "дыр". Опять же много недовольных: видите ли, молод премьер. Да не так уж и молод, за тридцать пошло, самое время, если уж на то пошло, все эти реформы осуществить. И потом, как-то незачем все это произошло, вдруг явно и отправить правительство в отставку. А там ведь интеллигентные люди были. Мне, во всяком случае, казалось, что они и не лгали на какие-то блага. И с ними было интересно: с одной стороны, ребята простые, но и умные

в то же время. Что-то понимали и могли бы другим объяснить. Но что произошло, то произошло. Как теперь будет, не знаю...

Я об этом все говорю и говорю, а вас, наверное, интересует, что с театром будет?

— Безусловно, интересует. Только ведь наш народ сегодня опять настолько "политизировался", что даже, кажется, сериалы бросил смотреть. Сумеет ли театр все-таки удерживать зрительское внимание?

— Вы знаете, вот 20-е годы были пострашнее наших. Голод. И одновременно появлялись такие блестящие успехи в искусстве. Россия — странное государство. И все, связанное с искусством, здесь непредсказуемо.

— Не почувствуют ли наши театры вновь вкуса социальности, злободневности, публицистики и прочим подобным вещам? Вы лично?

— Да какая публицистика? Вспоминаю, как Гельману все этот ярлык навешивали. А я считаю, у него несомненный талант выбора какой-то остроты в нашей жизни. И облекает он это в сюжет почти детективный. Это, между прочим, особая стилистика. Для меня ясно только одно: театр сегодня должен очень отличаться и от кино, и от телевидения. Сейчас у нас в России мода явно не театральная, особенно в широких массах. Как там классик говорил: что поздно Лондону, то рано для Москвы. Так это и есть. В Англии, например, в конкуренции с кино и телевидением театр одерживает верх. Коммерческий верх, потому что там на спектаклях всегда полно народу. Англичане любят театр, эта нация так воспитана. У нас — кино любят. Это я точно знаю — если тебя узнают, существует какая-то популярность или признание, то только за кино. А то, что при этом есть еще и театр, даже никого и не интересует. У нас очень маленькая прослойка любителей театра. Но за это нельзя упрекать людей. Так они росли и воспитывались. И все же именно театр должен сегодня сохранить свое энергетическое, эмоциональное поле.

— Столетие МХТ пришлось на нелегкие времена. Финансовый кризис, естественно, коснулся и вашего театра. Не отразится ли он на подготовке юбилейных торжеств?

— Ну вот наш директор бывает в какие-то моменты почти невменяемый. Что-то где-то проплачено, но деньги не поступают, а цены растут. Поэтому, конечно, тревожно. Но я надеюсь, что и ремонт, и реконструкция Камергерского переулка все же закончатся в срок. И для меня-то в конце концов одним из главных событий станет открытие в Камергерском памятника Антону Павловичу Чехову. Впервые в Москве. И еще раз повторю. Празднуем не юбилей МХАТ имени Чехова или МХАТ имени Горького. Хотя, наверное, это тоже надо как-то отметить. Но если все-таки — это юбилей Московского Художественного театра, созданного К.С. Станиславским и Вл.И. Немировичем-Данченко в 1898 году. И людей, которые в этом участвовали, были связаны с Художественным театром или многочисленными ответвлениями от этого генеалогического древа за прошедшие сто лет.

— Олег Николаевич, об историческом аспекте предстоящего юбилея, кажется, уже все и всеми сказано. И здесь МХАТ имени Чехова оказался действительно на высоте: издательская деятельность, вечера памяти великих артистов, реконструкция Камергерского, семинары и конференции и т.д. Но в прессе не раз высказывались опасения, что славным прошлым чеховский МХАТ отчасти прикрывает свое нынешнее состояние.

— Нет, ничего мы не прикрываем. Мы выпустили чеховских "Трех сестер" к 100-летию театра. Смотрите этот спектакль.

— Бесспорно, эта постановка достойна юбилейной даты. Но премьеры состоялась в феврале 1997 года. В минувшем же, предъюбилейном сезоне не произошло никаких событий. А критические стрелы, летящие в адрес вашего театра, не поддаются счету: отсутствие премьер, а потому, в период Чеховского фестиваля, и спектаклей текущего репертуара, потеря актерской формы. Иногда высказывались

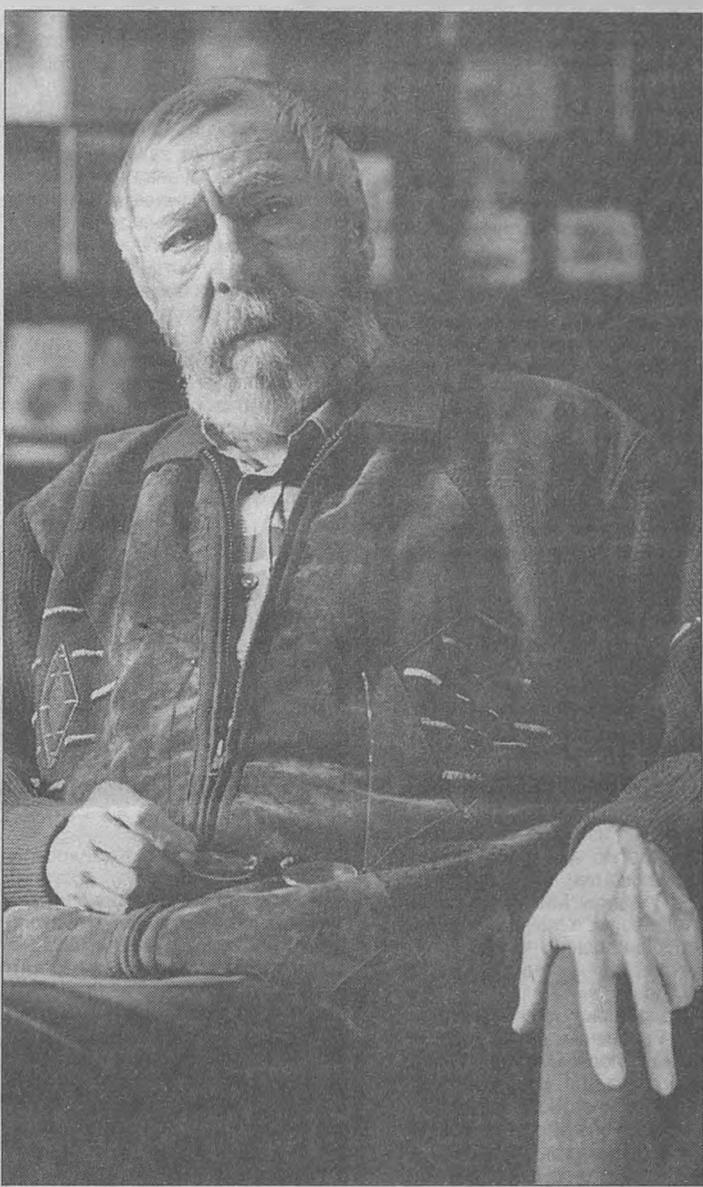

Фото Д. КОРОБЕВНИКОВА

и вовсе нелепицы. Вам как руководителю театра не хотелось бы это прокомментировать или что-то опровергнуть?

— Не буду я ничего комментировать, а тем более опровергать. Мало играли в прошлом сезоне? Не было премьер? Это так. Полгода наши актеры на сцену не выходили? Но почему бы им не посмотреть спектакли Чеховского фестиваля? К тому же я считаю, что фестиваль, большая часть спектаклей которого игралась именно на нашей сцене, — это не просто жертва какая-то, а наша обязанность: пригласить людей, показать, чем живет театральная жизнь. Тем более что все это было посвящено столетию Художественного театра. Действительно же, надо понять и решить, как жить дальше. А это значит — какие должны быть спектакли и как их надо играть. Но ведь и труппа наша все равно работала, делала спектакли. Выпускать их было нелепо, потому что сцена была занята фестивальными постановками.

— Но об этом, к сожалению, никто не знал.

— И не надо. Вообще надо поменьше знать о театре. Он должен быть окружен некоей тайной, что ли. Пусть интересуются, пускай ругаются. Кто в силу испорченности чуть ли не матом, кто, может быть, как-то поинтеллигентнее. По поводу разделения МХАТ сколько всего было сказано, написано — и тогда, и теперь. Ну а что, собственно, страшного произошло? Был же когда-то МХАТ 2-й. Другое дело, что его закрыли так жестоко. Но это уже история.

— Действительно ли предполагается провести два автономных юбилейных вечера: 26 октября — у вас и 27 — во МХАТе имени Горького?

— Действительно. Но мы пригласили и Татьяну Доронино, и группу ее артистов. Есть такая договоренность. А я пойду к ним, меня тоже позвали.

— Вам не кажется, что подобное "раздвоение" юбилея — ситуация отчасти нелепая?

— Нет, не кажется. Сегодня существуют два самостоятельных театра, это данность. Ну а что такого-то? Почему это всех интересует?

— Потому что люди так до сих пор и не разобрались, "кого празднуем".

— Да люди-то наши вообще ничего этого не знают. Не стоит делать из этого проблемы.

— Что предполагается устроить во МХАТе имени Чехова 26 октября?

— Мы хотим отметить эту дату традиционным мхатовским капустником, потому что эта форма и родилась здесь, в этих стенах. В зале — гости, а на сцене за столиками — участники, которым предстоит что-то изобразить.

— Ждете и иностранных гостей?

— Об этом боюсь говорить, пото-

му что все упирается в деньги. Но наших будет много. У нас куда ни посмотри, найдешь связь с Художественным театром.

— МХАТ имени Чехова начинает 101-й сезон. Хотелось бы по-больше узнать о новых планах.

— Пока будем играть спектакли текущего репертуара. Потом, в октябре, на время остановимся, чтобы подготовиться к юбилейному вечеру.

— И все же, дождемся ли мы наконец премьеры?

— Следите за афишей.

— Я слежу, но в ней значится, например: 24 и 25 сентября "спектакль будет объявлен дополнительно".

— Значит, объявят.

— Вы, как руководитель театра, о его планах говорить не хотите?

— Я — нет.

— Кто же способен открыть эту тайну?

— Да по-моему, никто. И вообще, если в театре что-то интересное появляется, почему-то люди туда идут без всяких реклам. Я же вот, например, знаю, что сейчас надо обязательно посмотреть двух "Гамлетов" — Стурра и Штайна, "Горет ума" Олега Меньшикова.

— Ну хорошо, оставим в стороне репертуарные планы. Но вот пройдет юбилейная дата, к которой сейчас все устремлено. Художественный театр останется. Наверное, это не только название некогда легендарного театра и двух нынешних московских коллективов, но еще и некая театральная модель, идея. Актуальна ли она для театра нового века? И если да, то какие проблемы следует решать, чтобы современный театр был ей адекватен? В частности, МХАТ имени Чехова?

— Я так скажу. За последнее время я видел очень много спектаклей и буду смотреть еще. Мне думается, что наш театр очень сильно отстал, во всем. И даже если его по-прежнему называют психологическим, реалистическим, то и в этом он отстает. Во всяком случае, наука о человеке сегодня знает больше, чем наши актеры и режиссеры. Да и не только наши, потому что МХАТом так или иначе заражены многие. Поэтому, очевидно, уже в 101-м сезоне надо к чему-то новому готовиться, думать, соображать: как быть с этим театром дальше? Здесь вы абсолютно правы. Должна быть какая-то реформа у нас, несомненно. Я ли этим займусь или кто-то другой, но с большой осторожностью надо к этому подходить и прежде всего как-то освободиться для дела. А если кто-то мешает, наверное, надо с ними расставаться, хотя это всегда сложно. Театр опять разросся, большущий. В общем, вопросов и проблем много, будем их решать. Что получится, покажет практика.

Беседу вела Ирина АЛПАТОВА